

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ИНСТИТУТ
(ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ)

На правах рукописи

ФИГУРНЫЙ Георгий Николаевич

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ:
ПРОБЛЕМАТИКА ДЕМАРКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ
ПАРАДИГМЫ**

Специальность 2.1.11 – Теория и история архитектуры, реставрация и
реконструкция историко-архитектурного наследия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата архитектуры

Москва – 2022

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Московский архитектурный институт
(государственная академия)» на кафедре «История архитектуры и
градостроительства»

Научный руководитель

доктор архитектуры, профессор
Есаулов Георгий Васильевич

Официальные оппоненты:

Гельфонд Анна Лазаревна

доктор архитектуры, профессор
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет» (ННГАСУ), заведующая кафедрой «Архитектурное
проектирование» (г. Нижний Новгород)

Капустин Петр Владимирович

кандидат архитектуры, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственного архитектурно-строительный
университет» (ВГАСУ), заведующий кафедрой «Теория и практика архитектурного
проектирования» (г. Воронеж)

Ведущая организация:

Академия архитектуры и искусств ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет» (ААИ ЮФУ, г. Ростов-на-Дону)

Защита состоится «29» ноября 2022 г. в 15.00 часов на заседании
Диссертационного совета 24.2.329.01 на базе ФГБОУ ВО «Московский
архитектурный институт (государственная академия)», по адресу: 107031,
г.Москва, ул. Рождественка, д. 11/4, корпус 1, строение 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Московский
архитектурный институт (государственная академия)» и на сайте: www.marhi.ru

Автореферат разослан «29» октября 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Клименко С.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Архитектурная теория в течение ряда десятилетий (на протяжении второй половины XX в. по настоящее время) испытывает существенное влияние со стороны различных мировоззренческих доктрин и их отдельных направлений. Предпринимаются многочисленные попытки осмысления как современных тенденций в архитектуре, так и ее исторической ретроспективы.

Этими факторами и обусловлена актуальность проведения разграничения концептуальных подходов к архитектурной проблематике с позиций их научной и методологической правомерности. Столь же актуальной представляется и проблематика сопоставления и обоснованного отграничения философских оснований и методологических подходов, которые заявляются в качестве теоретической базы для дискурса на архитектурные темы.

Целесообразность подобного разграничения достаточно очевидна, т.к. в значительной части публикаций (порой в рамках одного и того же текста) в качестве признанных авторитетов позиционируются теоретики архитектуры, взгляды которых находятся в принципиальном противоречии по отношению друг к другу.

Данная проблематика относится к числу приоритетных направлений развития фундаментальных научных исследований РААСН, в частности: «16. Исследование исторических этапов и процессов развития архитектуры и градостроительства» и «17. Выявление и анализ новейших направлений архитектурно-теоретической мысли и творческих концепций архитекторов».

Проблема исследования полагается в недостаточной проработанности методологических оснований ряда тех концептуальных построений, которые декларируются как теоретическая база противоборствующих и сменяющих друг друга, или же в течение продолжительного времени сосуществующих, архитектурных тенденций и направлений.

В исследовании не ставилась задача оценивать рассматриваемые концепции как «правильные» или «неправильные», как и определять уровень их продуктивности в виде вероятного источника вдохновения для архитекторов-практиков. При этом определение какого-либо подхода как вне-научного изначально не содержит в себе негативных коннотаций. Многие эссе на темы архитектуры безусловно интересны и значимы – как художественные или публицистические тексты, передающие личное мнение автора.

Проблема возникает лишь тогда, когда авторы текстов имитируют строгий научный формат, и претендуют на построение «собственной архитектурной теории», а их тексты при этом не отвечают основным **критериям научности**, в основе которых законы и принципы классической логики, впервые достаточно ясно и определенно сформулированные еще Аристотелем и позднее уточненные и развитые схоластами в эпоху Проторенессанса и мыслителями Просвещения.

Критерии научности – совокупность признаков, определяющих принципы получения научного знания (**научную методологию**).

Базовые критерии научности (вне зависимости от профессионально-отраслевой специфики сферы знания):

- Системность (логическая структурированность и когерентность);
- Предметность (определенность смысла и значений понятий);
- Внутренняя логическая непротиворечивость;
- Обоснованность и доказательность утверждений и выводов;
- Интерсубъективная проверяемость (эмпирическая воспроизводимость).

Этим критериям не отвечают формы ненаучного знания и многие идеологические системы, имитирующие внешние черты науки, но имеющие по существу ценностно-проективный, а не объективно-описательный и/или научно-проверяемый характер¹.

Степень разработанности научной темы. Констатируется множество подходов к анализу, осмыслению и теоретическому обоснованию своего рода «тектонических сдвигов» в сфере архитектурной композиции и принципов формообразования в современной архитектуре. При этом одни авторы ограничиваются детальным системным описанием масштабных архитектурных экспериментов той или иной волны средствами понятийного аппарата объемно-пространственной композиции, а другие – приводят и теоретические обоснования этих радикальных новаций или же, напротив, сложившихся ранее традиций.

Продуктивные попытки целостного осмысления и систематизации как исторической ретроспективы, так и современных тенденций в архитектуре предпринимались в работах И.А. Азизян, А.В. Бокова, Н.И. Брунова, А.К. Бурова, В.Г. Власова, В.Л. Глазычева, И.А. Голосова, М.М. Дадашевой, И.А. Добрициной, М.В. Дуцева, Г.В. Есаулова, Г.И. Ивановой, А.В. Иконникова, С.Ю. Кавтарадзе, В.А. Кутырёва, И.А. Лебедева, И.Г. Лежавы, В.И. Мальгина, Ф.Т. Мартынова, Д.Л. Мелодинского, А.И. Некрасова, Ф.А. Новикова, В.И. Орлова, Г.А. Птичниковой, А.В. Радзюкевича, А.Г. Раппапорта, Ю.С. Сомова, А.В. Степанова, Д.О. Швидковского, М.В. Шубенкова, А.Н. Шукуровой, О.И. Явейна, Ю.С. Янковской, как и в текстах ряда других исследователей.

Из зарубежных теоретиков к данной тематике обращались, в частности: К. Александер, И. Араухо, Р. Арнхейм, Я. Гейл, Г. Грэм, Н. Гудман, Ч. Дженкс, М. Доноу, Дж. Калб, А. Карлсон, Л. Крие, Д. Матраверс, Б. Митрович, Ю. Палласмаа, Г. Парсонс, А. Перес-Гомес, Д. Порфириос, Н. Салингарос, Р. Скрутон, Т. Спектор, Г. Станишев, М. Хэйз, Ф. Чин, П. Шумахер.

Мнения исследователей по поводу предполагаемых достоинств (художественных и эстетических) объектов, возводимых по проектам «мэтров звездной архитектуры», расходятся в широком диапазоне: от самых восторженных оценок до полного неприятия и отторжения.

Критическое отношение к ряду масштабных экспериментов современной архитектуры высказано такими авторами как: К. Александер, А.В. Боков, В.Г.

¹ Философия науки: Словарь основных терминов. — М.: Академический Проект. С.А.Лебедев. 2004.

Власов, Л. Крие, В.А. Кутырёв, Ф.Т. Мартынов, Д.Л. Мелодинский, Д. Порфириос, А.Г. Раппапорт, Н. Салингарос, А. В. Степанов.

Указанными авторами детально проанализированы различные аспекты формообразовательных опусов в новой и новейшей архитектуре со всех принципиально возможных позиций и аспектов их художественного языка и средств композиционного выражения.

При этом проблематика научной убедительности теоретического обоснования новых и новейших тенденций в архитектуре не была комплексно и детально рассмотрена и критически оценена с общепринятых в научном сообществе методологических позиций.

Цель исследования – в обосновании проблемы демаркации основных теоретических концепций осмысления тенденций в новой и новейшей архитектуре и в формулировании подходов к решению этой проблемы с позиций научной методологии и современных представлений о специфике научного знания.

Гипотеза: исследование основано на предположении, что в определенной части теоретических подходов к объяснению происходящего в современной архитектуре может быть выявлено несоответствие критериям научности и принципам научной методологии, и что такого рода концепции не могут рассматриваться как научные основы для прогнозирования развития архитектуры.

Задачи:

- Рассмотреть проблему отграничения (обоснованной демаркации) научных и вне-научных подходов в сфере теории архитектуры;
- Выявить доминирующие архитектурные теоретические концепции второй половины XX – начала XXI вв.;
- Провести анализ теоретической и философской базы архитектурного постмодернизма с позиций общепринятых в научном сообществе практик и методологических принципов;
- Исследовать и выявить вероятные признаки степени научной правомерности разнородных и разнохарактерных теоретических построений представителей структурно-семиотического подхода;
- Выявить и сравнить аналитические и программные форматы в текстах современных теоретиков архитектуры; Рассмотреть методологическую специфику архитектурных манифестов и хартий;
- Рассмотреть феноменологические подходы к вопросам архитектурной теории и практики; Проанализировать корреляцию между идеями представителей феноменологии архитектуры и современными научными тенденциями в области аналитической философии и психологии;
- Предложить подходы к разрешению проблемы демаркации с научных позиций.

Границы исследования определены степенью распространенности и популярности (в виде частотности отсылок и прямого цитирования), и влияния теоретических концепций на теорию архитектуры в рассматриваемый исторический период: со второй половины XX века – по настоящее время.

При этом временные границы отсчитываются не с момента зарождения теоретических и философских концепций постмодернизма, а рассматривается тот исторический этап, когда они стали доминирующими представлениями.

Объект исследования: доминирующие концептуальные представления в теории архитектуры второй половины XX – начала XXI века:

- философская база постмодернизма и структурно-семиотический подход,
- методологические приемы теоретиков и критиков архитектуры постмодерна и т.н. нелинейной архитектуры («параметризма»),
- феноменологический подход к архитектурной проблематике и актуальные научные концепции в области современной психологии и аналитической философии в приложении к архитектуре.

Предмет исследования: сущностные и формальные методологические характеристики доминирующих концептуальных представлений в теории архитектуры второй половины XX – начала XXI века с позиций их соответствия базовым критериям научности.

Методология и методы исследования: построены на анализе и систематизации информации по теме исследования. Используются теоретико-эмпирический и сравнительно-аналитический методы; общепризнанные принципы научной методологии, статистический метод (в его графоаналитической форме), объединенные в рамках целостного системно-структурного подхода.

Указанные принципы и методы составляют основу **современной научной парадигмы** – как **универсальной модели научной деятельности**, принятой научным сообществом (интегральным субъектом научного знания).

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании возможности использования принципов научной методологии, позволяющих аргументированно отделять научные подходы к архитектурной проблематике от тех теоретических построений, что не соответствуют общепринятым в современной научной парадигматике базовым принципам и методикам, но при этом позиционируются их авторами как научные и/или философские.

Практическая значимость исследования полагается, прежде всего, в возможности соответствующего уточнения учебных дисциплин бакалавриата и магистратуры в системе высшего архитектурного образования, – с целью формирования у обучающихся целостных основ научного мировоззрения. Традиционная академическая форма подачи материала может быть дополнена введением в лекционные курсы теоретических дисциплин тематических блоков (и сопровождаться рядом практических занятий), направленных на выработку у студентов навыка осознания и выявления принципиальной разницы между научными и вне-научными подходами в сфере теории и истории архитектуры.

Научная новизна исследования: состоит в том, что в его рамках впервые в качестве эффективного инструментария использованы принципы и критерии, позволяющие методологически обоснованно отграничивать научные подходы в теории архитектуры от подходов, лишь имитирующих научный формат. Эти

принципы и критерии, лежащие в основе научной методологии, практикуются в большинстве областей научной деятельности и отступление от них существенно дискредитирует соответствующую академическую дисциплину.

Научные результаты, выносимые на защиту:

При проведении сравнительного анализа ряда доминирующих концепций в современной теории архитектуры было установлено, что:

- Теоретические построения архитектурного постмодернизма и их философская база носят методологически произвольный и вне-научный характер;
- Семиотический подход к архитектурной проблематике может быть определен как теоретически несостоятельный и практически непродуктивный;
- Декларативные форматы (манифесты) теоретиков архитектуры принципиально вне-научны;
- Широкая популярность указанных вне-научных концепций предопределяется объективными психологическими и социологическими факторами, известными как когнитивные склонности (искажения восприятия): «эффект авторитета», «эффект якоря», «эвристика привязки», специфика «группового мышления», феномен «каскада доступной информации»;
- Потенциально продуктивным представляется феноменологический подход к вопросам теории и практики архитектуры, убедительно коррелирующий с рядом тенденций в современной философии, психологии и когнитивных наук.

Степень достоверности и апробация результатов исследования:

1. Результаты исследования изложены в 12 публикациях (в том числе 6 входящих в перечень рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ, 6 – в других изданиях);

2. Материалы исследования представлены в виде докладов на Международных научно-практических конференциях «Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ» (г. Москва, 2018, 2019, 2021 гг.); научно-теоретической конференции «Философские измерения архитектурного творчества в смысловом пространстве современной культуры» (Центральный Дом Архитектора, г. Москва, 2018 г.);

3. Разработан и прочитан авторский блок лекций «Методологические форматы в современной архитектуре и принципы классической логики» для второго курса бакалавриата очной формы обучения в рамках дисциплины по выбору: «Композиционные приемы в современной архитектуре» (МАРХИ, г. Москва, 2019 – 2020 гг.);

4. Материалы исследования послужили основанием для победы в конкурсах на выделение грантов РФФИ автору и были включены в научные отчеты МАРХИ по программам «Аспиранты» (№19-312-90012; 2019 г.) и «Экспансия» (№ 19-112-50130; 2019 г.).

5. Статьи по теме исследования, опубликованные в научном журнале «АМГТ», были отмечены дипломами 3 степени в конкурсах 2020 и 2022 г.г. на лучшую публикацию среди аспирантов и соискателей МАРХИ.

С целью выявления и подтверждения актуальности темы исследования был проведен социологический опрос профильной аудитории: студентов и

преподавателей МАРХИ. Результаты опроса показали, что значительная часть студентов и преподавателей критически воспринимает концептуальные положения популярных теоретиков архитектуры.

Объем и структура работы. Диссертация представлена в одном томе общим объемом 155 страниц. Состоит из введения, трех глав, заключения, перечня основных публикаций по теме исследования, библиографического списка (137 источников), списка используемой терминологии и приложений, включающих результаты проведенного анкетирования профильной аудитории и экспозиционные материалы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определены цели и задачи исследования, его методология, дан краткий обзор степени разработанности вопроса по научным публикациям в профессиональной литературе. Выявлены и определены доминирующие концептуальные представления в теории архитектуры второй половины XX – начала XXI века: философская база постмодернизма, структурно-семиотический подход, методологические приемы (построения) теоретиков архитектурного постмодерна и «нелинейной архитектуры» («параметризма»), феноменологический подход к архитектурной проблематике.

ГЛАВА 1. ФИЛОСОФИЯ (ПОСТ)СТРУКТУРАЛИЗМА И СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФОРМАТ В КОНЦЕПЦИЯХ АРХИТЕКТУРНОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА

Преобладающие архитектурные тенденции последних десятилетий основываются, как правило, на теоретических платформах, объединяющих ряд концепций более частного характера. При этом данные (доминирующие) теоретические подходы – (пост)структурализм² и архитектурная семиотика – в свою очередь также могут определяться (обобщаться) как единый структурно-семиотический подход, имеющий свою собственную философскую базу.

Основной критерий выбора данных концепций (теоретических платформ) – степень популярности в профессиональной архитектурной среде (частотность отсылок к именам и идеям их авторов).

1.1. Теоретическая база архитектурного постмодернизма

Теоретические основания идеологии архитектурного постмодернизма на протяжении последних десятилетий находились в зоне внимания многих отечественных и зарубежных исследователей-искусствоведов. При этом часто констатировалось, что мировоззренческая позиция целого ряда архитекторов-

² В разных регионах мира (Франция, Германия, США, Россия) для описания структурализма и постструктурализма используется различная терминология в рамках различных подходов. Столь же спорной темой является и проблема обоснованности разграничения этих терминов. В силу этого обстоятельства здесь было использовано такое семантически паллиативное написание термина.

постмодернистов соотносится с философией (пост)структурализма (она же т.н. «французская мысль» или «континентальная философия»).

Вместе с тем определенная часть исследователей (как отечественных, так и зарубежных) достаточно скептически относится к концептуальным установкам постмодернистов. Так, В.Г. Власов, занимая наиболее бескомпромиссную позицию по отношению к теоретикам постмодерна, в своей публикации «Ничтожность архитектурной теории постмодернизма» вполне релевантно, на наш взгляд, отмечает, что они «...устранились от таких существенных для истории и теории архитектуры понятий, как композиция, архитектоника, тектоника, формообразование, пластика. <...> Философией должны заниматься философы, семиологией – специалисты по семиотике, хотя семиологию многие лингвисты уже осмеливаются называть околонучным изобретением»³.

Но при выражаемой критичности своего отношения к идеологии постмодернизма и неоавангарда ряда отечественных исследователей-архитектуроведов, они, как правило, не ставят под сомнение вероятную правомерность самой философской базы этой идеологии, или же делают это с неполной, в отличие от В.Г. Власова, определенностью.

Но прежде следует внести некоторую терминологическую ясность в то, что же будет в данном контексте пониматься под т.н. философской базой. Следует ли нам считать такой «базой» концепции континентальной философии второй половины прошлого века, связанные в представлениях определенной части профессионального искусствоведческого сообщества с примерно следующим перечнем имен, таких как: Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотар, Ю. Кристева, П. Вирилио, Ж. Лакан, Л. Иригарэй и др.

При этом объективная несостоятельность философии постмодернизма уже была исчерпывающе выявлена в публикации А. Сокала и Ж. Брикмона «Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна» («*Impostures Intellectuelles*») еще в 1997 г. (русский перевод 2002 г. с предисловием С.П. Капицы)⁴. Содержательный анализ теоретических и философских построений постмодернистов, методологически безупречно проведенный авторами (А. Сокалом и Ж. Брикмоном), не оставляет места для каких-либо сомнений в их принципиальной вне-научности.

Из числа зарубежных теоретиков архитектуры, пожалуй, первым усомнился в строгой научной правомерности концептуальных построений теоретиков постмодерна Н. Салингарос, ознакомившийся с упомянутой выше публикацией А. Сокала и Ж. Брикмона. В сборнике статей «Антиархитектура и деконструкция» Н.

³ Власов В.Г. Ничтожность архитектурной теории постмодернизма // Архитектон: известия вузов. – 2013. – №42 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archvuz.ru/2013_2/1

⁴ В этой публикации авторами было предельно убедительно (и аргументированно) установлено, что: «...такие известные интеллектуалы, как Лакан, Кристева, Иригарэй, Бодрийяр и Делез неоднократно злоупотребляли научными концепциями и терминологией: или используя научные идеи полностью вне контекста, никак не обосновывая <...> или же кичась научным жаргоном перед своими читателями, которые не являются учеными, не обращая никакого внимания на его адекватность и даже значение». – С. 11.

Салингарос со всей определенностью констатирует, что теория архитектуры претерпевает весьма значительную негативную трансформацию под воздействием псевдонаучных концепций⁵.

По вполне верной, на наш взгляд, констатации Н. Салингароса, идеологи постмодерна сделали стратегическую ставку на наукообразность собственных теоретических установок, и уверенно постулировали связь этих установок с философией и лингвистикой. Данный «стратегический прием» был вполне успешным.

Повторимся: этот прием действительно оказался эффективным, – поскольку и по настоящее время в значительной части архитектуроведческих текстов содержатся многочисленные отсылки к именам и идеям М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра, Л. Иригарэй, Ж. Делеза, Ф. Гваттари и др. Более того, эти отсылки к модным французским философам стали практически «негласно обязательными» в текстах на темы современной архитектуры⁶.

Вместе с тем, стоит отметить и то значимое обстоятельство, что взгляды теоретиков постмодернизма не представляют собой единой, целостной и логически когерентной концепции и по многим сущностным позициям противоречат друг другу. Из чего, по строгим законам логики (принцип исключенного третьего), следует, что их концептуальные построения не могут быть одновременно верными.

1.2. Структурно-семиотический подход к архитектурной проблематике

К вопросам семиотики (семиологии) архитектуры, начиная с 60-х годов XX века, обращались многие исследователи. Данная тематика была рассмотрена и обобщена в относительно недавних публикациях: в статье О.И. Явейна «О первых опытах переноса методов структурно-семиотических исследований в архитектуру (идеи 1960-х – 1970-х годов и проблемы современной науки)» и в статье Ю.С. Янковской «Архитектурная композиция и семиотика – генезис идей», что и позволяет обращаться непосредственно к этим текстам в рамках своего рода мета-архитектуроведческого приема, без риска утраты полноты и цельности понимания предмета.

В указанных публикациях детально рассмотрены вопросы становления и развития семиотических (семиологических) подходов к архитектуре как таковой, и системно проанализированы все основные направления в этой сфере. При этом в

⁵ «Архитектурная профессия неоднократно порывала как со своим багажом знаний, так и с другими дисциплинами, стараясь всегда оставаться «современной» - во всеуслышание заявляя при этом о своей (несуществующей, как теперь выяснилось) связи с философией, лингвистикой и наукой»; Салингарос Н. Антиархитектура и деконструкция: триумф нигилизма. Часть 15, третье издание. – Германия: Umbau-Verlag, Solingen, 2008. – С. 156.

⁶ «...В последние годы <...> были изданы многие из рассматриваемых сочинений, а сам постмодернизм стал привлекать все больше не критически мыслящих сторонников, превращаясь в моду философствования, метко названной эстетствующим иррационализмом. Более того <...> эта мода переросла в доминирующую тенденцию, претендующую на исключительное положение и потому подавляющая любые другие». С.П. Капица. Предисловие к первому переводу книги «Интеллектуальные уловки» Алана Сокала и Жана Брикмона. М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002. – С. 7.

заключительных положениях своего исследования О.И. Явейн делает достаточно скептические выводы по данной проблематике⁷. Ю.С. Янковская выражает не менее определенную критическую позицию⁸.

Вместе с тем представления об «архитектурном языке» как о некоей самостоятельной (и при этом самодостаточной) знаковой системе широко распространены и поныне. Думается, что в глубинной основе подобного рода представлений лежит вполне естественное для каждого человека стремление поэтизировать собственные впечатления, то есть прибегать к метафорам и аллегориям при передаче испытываемых ощущений. Не исключено, что специалисты в сфере семиотики, исходя из констатации, что музыка или, например, т.н. точные науки – обладают своими знаковыми системами (языками), сделали из этого тот вывод, что и всем прочим видам искусства и науки – также должны быть присущи свои собственные, семантически и синтаксически структурированные языки.

Однако при восприятии изображения (плоскостного или объемного) сама возможность дискретной (текстуальной, знаковой) фиксации образа отсутствует в принципе – ведь архитектурный объект воспринимается в определенном смысле как некая целостность, изначально не подлежащая какому-либо семантическому или синтаксическому «разбору». Другими же словами, произведения т.н. изобразительных искусств (включая пластические и архитектурные) – не могут быть представлены как текст, по аналогии с другими языками (естественными или искусственными), по той простой причине, что они сами – целостные образы, «материальные данности» (пусть и рукотворные), но никак – не материал для прочтения или перевода⁹.

При этом показательно, что большинство авторов, предлагавших свои собственные версии интерпретации т.н. «архитектурной знаковой системы» (включая У. Эко), отстранялись от внятной объективации (графической фиксации) своих представлений по этой тематике, ограничиваясь общими теоретическими

⁷ «Стремление использовать новые методы исследования всегда сопряжено с рядом трудностей. <...> Определенную роль в дискредитации семиологического подхода к анализу архитектуры сыграли и примеры механического перенесения на архитектуру многих принципов семиологии, разработанных на совершенно ином материале, и чрезмерное увлечение лингвистической терминологией» (Явейн О.И. О первых опытах переноса методов структурно-семиологических исследований в архитектуру (идеи 1960-х – 1970-х годов и проблемы современной науки) // [Электронный ресурс] / О.И. Явейн // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №1(38). – URL: <https://www.marhi.ru/AMIT/2017/1kvart17/yawein/index.php>)

⁸ «Рассмотрение архитектуры как знаковой системы, имеющей определенные формальные свойства, не имело особой продуктивности, т.к. доказывало подвижность, изменчивость синтаксических правил и их значений и, соответственно, невозможность моделирования архитектурного языка с точки зрения полноценной системы знакового общения» (Янковская Ю.С. Архитектурная композиция и семиотика – генезис идей // [Электронный ресурс] / Ю.С. Янковская // Архитектон. известия вузов. – 2004. – №2(7) URL: http://archvuz.ru/2004_2/3)

⁹ На это обстоятельство достаточно давно обратили внимание представители феноменологического подхода к архитектуре. Подробнее эта тема рассмотрена в главе 3.

рассуждениями и осознавая, как можно предположить, констатированную Д.Л. Мелодинским принципиальную невозможность сформировать словарь значений визуальной формы¹⁰.

Представляется, что основная проблема с семиотическими подходами к осмыслению архитектуры коренилась как в изначальной некорректности используемой в рамках этих подходов терминологии, так и в отсутствии общего (конвенционального) понимания того минимально достаточного уровня структурированности (меры упорядоченности и развитости) знаковых систем, при котором имеет смысл содержательно говорить о хранении и передаче (воспроизводстве) сколько-нибудь существенного и логически когерентного объема информации.

Что же касается некорректности использования понятийного аппарата, то это проявляется прежде всего в том, что многие тексты по архитектурной проблематике или прямо озаглавлены – «Язык архитектуры», или содержат это словосочетание в своем названии. При этом одни авторы используют его в аллегорическом (поэтическом) смысле, а другие авторы, игнорируя «принцип достаточного основания» – в буквальном, полагая этот «язык» полноценной либо частично приемлемой знаковой системой.

Такого рода разночтения в употреблении ключевых понятий и терминов критически контрпродуктивны в научных исследованиях. Подобная множественность подходов, столь разноплановых как концептуально, так и методологически, согласно строгим законам классической логики, а priori не только обесценивает каждый из этих подходов в отдельности, но и дискредитирует т.н. семиотику как научный проект в целом.

Ведь если предположить, что какой-либо из семиотических подходов к архитектуре вдруг обнаружил бы свою методологическую состоятельность, то это со всей определенностью должно было бы повлечь за собой признание всех остальных (альтернативных) подходов принципиально неверными (как это не раз и бывало в истории науки).

1.3. Причины широкой популярности вне-научных представлений в сфере теории архитектуры

Основная проблема заключена, как представляется, не столько в принципиальной вне-научности данных концептуальных построений, схожих в случае с «философией постмодернизма» с вербализированными продуктами воображения, сколько – в широкой распространенности этих, воспринимаемых на веру в силу «эффекта авторитета» и «эффекта группового мышления» и далее широко тиражируемых концепций, не отвечающих даже базовым критериям научности.

Это, в свою очередь, приводит к психологическому эффекту (феномену) «каскада доступной информации» – когда многократное повторение какого-либо

¹⁰ Мелодинский Д.Л. Мелодинский Д.Л. Архитектурная пропедевтика: История, теория, практика. Гл. 6, Теоретико-методологическое содержание архитектурной пропедевтики. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. – С. 127.

утверждения, даже совершенно произвольного и бездоказательного, формирует стойкую коллективную иллюзию его истинности. Эта иллюзия, как правило, подкрепляется как соответствующей «аргументацией», так и многочисленными ссылками на «авторитетные источники», что еще более затрудняет саму попытку критического анализа произвольных теоретических спекуляций.

При этом встает еще и проблема т.н. «argumentum ad ignorantiam», когда даже критично настроенный субъект восприятия (представитель «целевой аудитории») оказывается перед дилеммой: либо последовательно и доказательно опровергать сомнительные ментальные концепты – плоды «свободного полета мысли» очередного культового теоретика, либо принять их на веру, убедив себя в их правомерности или, как минимум, в их уместности. И таким образом «порочный круг» замыкается.

Однако, достаточно вспомнить о методологическом принципе, известном как «бремя доказательства» (или, в более современной формулировке, как «бритва Хитченса»). В соответствии с этим принципом утверждения, не имеющие строгих логических обоснований, – просто не заслуживают серьезного к себе внимания и принципиально не могут быть даже предметом научной дискуссии.

Данный методологический принцип известен с давних времен и может рассматриваться как вариация «закона достаточного основания». Он даже вошел в латинскую поговорку: «Quod gratis asseritur, gratis negatur» («Что беспричинно утверждается, свободно отбрасывается»).

Это позволит при проведении исследований в сфере теории архитектуры строго следовать нормам научной этики в плане анализа (тщательной проверки) научной достоверности источников информации и далее не тратить времени и усилий на рассмотрение методологически неправомерных гипотез и концепций.

Выводы по главе 1:

- Теоретическая основа архитектурного постмодернизма представляет собой конгломерат разнородных и методологически произвольных концепций (в виде его «философской базы»), которые по многим как сущностным, так и формальным позициям находятся в неустранимом взаимном противоречии. Более того, многим текстам теоретиков архитектурного постмодернизма свойственна внутренняя противоречивость, что является своего рода маркером их принципиальной научной неправомерности.

- Структурно-семиотический подход к архитектурной проблематике обнаружил собственную (и отмеченную многими исследователями) теоретическую и методологическую несостоятельность. При этом было показано, что практическая, равно как и теоретическая бесперспективность подобного подхода была закономерно предсказуема. Это было обусловлено как небрежением по отношению к принципам общепринятого научного метода, так и нарушением базовых законов классической логики.

- Определены вероятные причины широкой популярности вне-научных концепций (наслоений) в сфере теории архитектуры. Показано, что в основе некритичного отношения к этим произвольным теоретическим спекуляциям – психологические факторы, ведущие к ряду когнитивных искажений: «эффект

авторитета», «эффект группового мышления» и феномен, известный как «каскад доступной информации».

- Отмечена необходимость при проведении исследований в сфере теории и истории архитектуры тщательного анализа (проверки) научной достоверности источников информации, что позволит избегать ссылок на сомнительные и вне-научные концепты и их авторов.

ГЛАВА 2. АНАЛИТИКА, ДЕКЛАРАЦИИ И МАНИФЕСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

В главе критически рассмотрены методологические подходы наиболее авторитетных (и, соответственно, часто цитируемых) в профессиональном сообществе современных теоретиков архитектуры. Выделены основные публицистические форматы, в рамках которых этими теоретиками излагаются их взгляды и позиции.

2.1. Аналитический и декларативный форматы в современной теории архитектуры

Значительная часть парадигмы архитектуроведения может быть (достаточно условно) разделена на два основных направления или, скорее, на два системных методологических подхода: «критический» (аналитический) и «программный» (декларативный), что, как правило, и фиксируется в текстах, претендующих на новое слово в теории и практике архитектуры.

В исследовании проанализированы формальные и сущностные признаки части подобных текстов (как аналитических, так и декларативных). При этом рассматривались тексты наиболее авторитетных (во всяком случае, – наиболее часто цитируемых) фигур в современной теории архитектуры: сторонников постмодернистских (и неоавангардных) тенденций – Ч. Дженкса и П. Шумахера – и их идеологических оппонентов (приверженцев архитектурной традиции) – в лице К. Александера и Н. Салингароса.

Структурно эти теоретические построения слагаются (в особенности, в текстах Ч. Дженкса и Н. Салингароса) из двух основных фрагментов, – первый из которых можно, как мы выше условились, определить – как критический (аналитический), а второй – как декларативный (или программный).

Так, наиболее содержательной частью основного теоретического труда Ч. Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма»¹¹ можно считать его первый фрагмент – «Смерть “новой архитектуры”», где им предельно жестко и аргументированно критикуются базовые постулаты и идеи модернизма, и прежде всего – присущий ему композиционный примитивизм. Но, вполне убедительно показав несостоятельность установок модернистов, он затем (во второй части этой книги – «Способы архитектурной коммуникации») – обосновывает свою собственную теорию, и привлекает для этого совершенно произвольные лингвистические аналогии, популярные во времена пика моды на семиотику.

¹¹ Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. Пер. с англ. А. В. Рабушина, М. В. Уваровой; Предисловие ред. А.В. Рябушина, Л. Хайта. – М.: Стройиздат, 1985. – 136 с.

Однако по прошествии некоторого (относительно недолгого) времени Н. Салингарос, в свою очередь, столь же резко и не менее убедительно подвергает критике «теоретические построения» постмодернистов, выявляя при этом их вне-научность. При этом его собственные тексты декларативного формата так же лишены логической связности и внутренне противоречивы, что плохо согласуется с заявленной им и его коллегами целью построения «подлинной теории архитектуры»¹². Следует также заметить, что, по вполне объективной констатации А.Г. Раппапорта: «...все рассуждения Салингароса остаются в сфере теории и не имеют прямых визуальных, формальных реализаций»¹³.

Вероятно, впечатляющая популярность теоретических конструкций Ч. Дженкса, К. Александера и Н. Салингароса определяется сложным комплексом различных факторов. Но выделим из них два основных и, как представляется, наиболее очевидных:

Во-первых, в рамках «критического подхода», – им определенно удалось своевременно прочувствовать и затем эффективно обслужить своего рода общественный запрос на теоретическую дискредитацию масштабных архитектурных экспериментов той или иной волны. И это можно считать конструктивной и содержательной стороной их текстов.

Во-вторых, в рамках их собственного «программного подхода», – они придают своим теоретическим построениям некий формат научности, вводя отсылки к различным сферам знания (включая точные и естественнонаучные дисциплины). И приходится констатировать, что это производит впечатление не только на широкую аудиторию, но и на определенную (значительную) часть профессионального архитектурного и искусствоведческого сообщества.

Примечательно, что тексты Ч. Дженкса и Н. Салингароса стали со временем практически неотличимы: в последние годы оба автора апеллируют к модной тематике фрактальной геометрии, неравновесных природных процессов и теории сложных систем, к новым научным гипотезам в сфере биологии и астрофизики, эксплуатируя недостаточную компетентность своей аудитории в этих вопросах и создавая иллюзию своей собственной энциклопедической образованности.

Также приходится констатировать, что т.н. программные тексты данных теоретиков содержат и многочисленные *petitio principii* – хрестоматийные логические ошибки, заключающиеся в том, что вывод опирается на основание, само требующее доказательства. То есть, принятием негодной посылки порождается цепь суждений, априорно сомнительных.

¹² Салингарос Н. Антиархитектура и деконструкция: триумф нигилизма. Часть 15, третье издание. – Германия: Umbau-Verlag, Solingen, 2008. – 296 с.

¹³ Раппапорт А.Г. Никос Салингарос. Башня и лабиринт. ТА 226 Салингарос (5). Орнамент и консерватизм. – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://papardes.blogspot.com/2013/08/225-5.html>

2.2. Методологическая специфика архитектурных манифестов (на примере идеологии параметризма Патрика Шумахера и программных текстов Никоса Салингароса)

Трудно не обратить внимание на тот факт, насколько схожи по признаку своей методологической неправомерности (и агрессивности по своей форме) «теоретические послания» от П. Шумахера и Н. Салингароса с манифестами модернистов первой трети XX века.

Вполне очевидной представляется попытка П. Шумахера подвести научную базу под продвижение проектной продукции возглавляемой им архитектурной студии. Эта интенция вполне естественна и объяснима с его позиции директора проектной организации, весьма активно (и результативно) использующей передовые цифровые технологии.

Впечатленный успехами (в т.ч. коммерческими) «параметрического проектирования» Шумахер решил выступить в роли главного манифестанта-теоретика «нелинейной архитектуры».

Так или иначе, но центральный посыл (мотив) манифестов П. Шумахера – в придании своим восторженным оценкам перспектив цифровой криволинейной архитектуры научного формата (с опорой на довольно сомнительные концепции Н. Лумана о т.н. самореферентности социальных систем).

Впрочем, многие отечественные и зарубежные теоретики архитектуры настроены определенно скептически по отношению к идеологии П. Шумахера. В относительно недавней публикации Д. Л. Мелодинского «Художественная практика архитектуры параметризма: восторги и разочарования» декларируемые достоинства этого стиля подвергнуты жесткой и справедливой критике. Автор статьи приводит мнение В.А. Кутырёва, считающего, что в основе этого стиля, набирающего популярность, лежит саморазвитие техногенной (и антигуманной по своей сути) реальности. То есть, по определению В.А. Кутырёва, это опять же саморазвитие (аутопоэзис) – но уже деструктивное.

Как представляется, все несколько проще: развитие цифровых технологий кардинальным образом расширило возможности (технические, технологические и методологические) современной цивилизации, что не могло не сказаться на проектных и строительных технологиях.

Новый мощный инструментарий в руках архитекторов и инженеров открыл дорогу для масштабных экспериментов и даже для формирования нового стиля. Это – очередной эволюционный рывок, который происходит здесь и сейчас, и всякая попытка дать ему взвешенную оценку (научную или философскую) – изначально поспешна и малопродуктивна в силу аберрации временной близости.

Салингарос также сменил дискредитировавший себя «философский» («философско-лингвистический») тактический прием постмодернистов на «научный метод» собственного изобретения. При этом данному методу авторства Салингароса имманентно присущи практически все известные черты и признаки псевдонаучных концепций.

Помимо императивной тональности, текстам Салингароса свойственны внутренняя противоречивость, спонтанность изложения, безосновательные отступления от темы, многочисленные логические ошибки и софистические приемы. Декларируемый уровень научной убедительности программных манифестов Н. Салингароса рассмотрен на примере его текста «Двенадцать лекций по архитектуре».

В этом лекционном курсе Салингаросом вводится такая сомнительная категория как «Универсальная масштабная инвариантность» как своего рода руководящий принцип архитектурного проектирования; формулируются собственные «универсальные морфологические законы», основанные отчасти на «Пятнадцати фундаментальных свойствах» от Кристофера Александера; приводятся многочисленные физические термины, схемы и формулы безо всяких на то оснований.

Произвольность методологии концептуальных построений Салингароса рассмотрена отдельно. Показано, что количество абсурдных утверждений, логических ошибок и софистических приемов в текстах этого автора чрезмерно велико даже для хрестоматийных образцов псевдонаучных публикаций.

Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что эти «теории» (манифесты), провозглашенные их авторами как руководство к действию для архитекторов-практиков, в данном качестве себя не оправдали, выявив свою не только теоретическую, но и практическую несостоятельность.

Во всяком случае в открытом доступе не удалось обнаружить ни одного факта создания значимого архитектурного объекта, авторы которого при его создании следовали бы (или хотя бы заявляли, что следовали) их инструкциям.

При этом более чем вероятно, что эти авторы были движимы самыми возвышенными мотивами в своих попытках «научного обоснования» тех архитектурных тенденций (или же традиций), которым они столь искренне привержены. Но использование теоретиками сомнительных приемов с целью придания своим концептуальным построениям видимости научности в конечном итоге приводит к обратному эффекту, существенно дискредитируя теорию архитектуры в целом.

Выводы по главе 2:

- Проведенный анализ текстов наиболее часто цитируемых (популярных) теоретиков архитектуры, сторонников постмодернистских (и неоавангардных) тенденций – Ч. Дженкса и П. Шумахера – и их идеологических оппонентов (приверженцев архитектурной традиции) – в лице К. Александера и Н. Салингароса позволяет заключить, что сильной и содержательной стороной их концепций является критическая составляющая.

- При этом их попытки обосновать свои собственные «новаторские подходы» к вопросам архитектурной теории и практики в процессе анализа показали явную методологическую неправомочность и наличие множественных вне-научных приемов и логических ошибок.

- Методологический формат архитектурных манифестов (хартий) может быть классифицирован как не только вполне определенно вне-научный, но и как не имеющий формальных признаков научного формата.

ГЛАВА 3. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРМАТ В ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Художественные и эстетические достоинства архитектурных объектов (как и сформированной ими пространственной среды) представляются вполне самоочевидными, не нуждающимися в «идеологических подпорках» в виде псевдо-теоретической и псевдо-философской базы. Но данное обстоятельство не предполагает отказа от философского осмысления архитектуры как таковой.

При этом философия (точнее т.н. аналитическая философия) в данном контексте – это современная эпистемология (в общих контурах ее научно убедительного описания, данного В.А. Лекторским)¹⁴ и, как ее частный сущностный фрагмент (в намеренно предельно упрощенной, но, как представляется, достаточной для задач данного исследования форме), – феноменология¹⁵.

3.1. Феноменологические концепции в теории архитектуры

Как представляется, главная ценность (как и теоретическая значимость) феноменологического направления в философии заключалась в осознании (и обосновании) тезиса о том, что в основе познавательного опыта полагается непосредственное созерцание (восприятие), которое по своей сути является беспредпосылочным.

Основателем феноменологии считается Э. Гуссерль, а его предшественниками – К. Штумпф и Ф. Brentano. Однако удивительно сходные мысли (теоретические позиции) были сформулированы и Л. Витгенштейном в его «Логико-философском трактате». Часто цитируется финальный афоризм из этого труда: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»¹⁶. Трудно предложить лучшее определение для центральной концепции феноменологического подхода.

Но, парадоксальным образом, именно лучший ученик Э. Гуссерля – М. Хайдеггер – «не смог молчать», и, развивая его идеи, выстроил собственную квази-философскую теорию в своем известном трактате *Sein und Zeit* («Бытие и время»), столь же впечатляющем и неординарном с позиций своих неоспоримых литературных достоинств, сколь и маловразумительном содержательно (что было

¹⁴ На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2009. – 237 с.

¹⁵ В этом плане понимание феноменологии в приложении к архитектуре – во многом синонимично определению науки – как получению и систематизации достоверных знаний и представлений о действительности (свободных от избыточных спекулятивных построений).

¹⁶ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. Добронравова и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В. Ф. — М.: Наука, 1958 (2009). — 133 с.

отмечено, в частности, А.В. Парибоком¹⁷) – и инспирировал тем самым многих своих последователей на построение собственных философских концепций, включая и представителей «континентальной философии», в том числе и идеологов деконструктивизма (на что обратил внимание авторитетный отечественный философ и историк философии В.К. Шохин¹⁸).

В приложении к архитектурной проблематике феноменологический подход можно считать весьма продуктивным и многообещающим, но только, как представляется, – преимущественно в его первоизданном виде. Из современных теоретиков архитектуры такой подход близок, в частности, Ю. Палласмаа.

Вместе с тем следует отметить, что ранее принципиально сходные представления о специфике вне-рассудочного, чувственного восприятия (или сопереживания) произведений искусства (включая архитектонические) были выражены и у К. Фолля, Т. Липпса, В. Воррингера и Г. Вёльфлина. При этом ими подчеркивалась уникальная особенность эмоционального восприятия, для которого характерно мгновенное (или, скорее, – вне-временное) схватывание пространственных образов во всей их полноте. Заметим, что взгляды этих авторов (как будет показано в тексте несколько далее) удивительно близки к представлениям современных аналитических философов.

Стоит также отметить и то принципиальное единство взглядов, которое демонстрируют представители феноменологического подхода, – несмотря на индивидуальную специфику позиции каждого автора. Вероятно, целостность и глубина феноменологической концепции созвучна и всеохватности каждого индивидуального акта восприятия. Как в этой связи констатирует в своем диссертационном исследовании А.Г. Раппапорт: «Феноменология архитектуры имеет дело не с отвлеченной мыслью и не с фиксированным знаком, а с переживанием, неотделимым от живого контакта с сооружением. Это не познавательное разглядывание архитектуры, не историческая экскурсия, а экзистенциальное пребывание в мире архитектурных форм. Излишняя ученость этому только мешает»¹⁹.

При этом трудно не обратить внимание на то значимое обстоятельство, в каком принципиально неустранимом противоречии (концептуальном и методологическом) находится феноменологический подход по отношению к многочисленным (и безуспешным) попыткам архитектурных семиотиков и структуралистов объяснить целое, разъяв его на «смысловые фрагменты».

Как представляется, и основная ценность феноменологии архитектуры в том виде, в котором она была сформулирована К. Норберг-Шульцем и его

¹⁷ Парибок А.В. О философской оправданности хайдеггеровского обращения с языком // Вопросы философии. 2018. № 11.

¹⁸ Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // Философский журнал. – 2015. – Т. 8. №2. С. 16-27. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pj.iph.ras.ru/index.php/ph_j/article/view/41

¹⁹ Раппапорт, А.Г. К пониманию архитектурной формы: дис. д-ра арх.: 18.00.01. – М.: НИИТАГ РААСН, 2000. С. 47 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://papardes.blogspot.com/2009/08/1.html>

предшественниками (в проблематике восприятия произведений архитектуры) и далее развита Ю. Палласмаа (в приложении к творческому архитектурному процессу), заключается в осознанном отказе от имитации научного формата и многословного теоретизирования.

На эту наметившуюся тенденцию смещения интереса от множественных (и часто чрезмерно многословных) концептуальных построений, пытающихся детально объяснить и/или продвинуть то или иное стилистическое направление в архитектуре – к реальному восприятию человеком архитектурных объектов (как и среды ими формируемой) обращает внимание, в частности, Б. Сировы.

Возвращаясь к затронутой выше проблематике личностного восприятия архитектуры с позиций реальной феноменологии, стоит отметить, что всякая попытка «анализа» в этой сфере по своей сути представляет собой как жанр эссе – то есть развернуто передает цепь размышлений и переживаний автора. Но при этом эмоциональная (и не только) картина мира у перципиента (субъекта восприятия) имеет тенденцию со временем существенно меняться.

Впрочем, что касается проблематики заведомой невозможности «научно обосновать» эстетические достоинства объекта восприятия, то Д. Юм (еще столетия назад) вполне справедливо констатировал, что: «...Прекрасное не есть качество, существующее в самих вещах; оно существует исключительно в духе, созерцающем их, и дух каждого человека усматривает иную красоту. Поиски подлинно прекрасного или подлинно безобразного <...> бесплодны».

Для описания (и объяснения) подобных феноменов глубоко личностного восприятия Т. Лири была предложена теория, известная как «туннель реальности», позднее расширенная и дополненная Р. Уилсоном. В соответствии с этой теорией специфика каждого индивидуального восприятия определяется подсознательными «ментальными фильтрами», характерными для всякого человека и сформированными под влиянием приобретенных им убеждений и личного жизненного опыта.

Трудно не увидеть, насколько эти подходы к пониманию особенностей личностного характера процесса восприятия объектов (как и их эстетических достоинств) перекликаются с процитированной выше констатацией Д. Юма.

Культурно-историческая обусловленность и ситуативная ограниченность поведенческих паттернов, как и самого мировоззрения индивида, изначально погруженного в конкретную социальную среду с принятыми в ней традициями и «стандартными установками», также фиксируется и в концепциях философа-неопозитивиста Р. Рорти, хоть и в менее детально и аргументированно выраженной форме.

3.2. Современная философия и психология в приложении к архитектурной проблематике

Психология творческого процесса и его философские основания – вечные темы теории и истории архитектуры. К настоящему времени сложился впечатляюще объемный корпус многочисленных текстов по данной тематике. Но при этом приходится констатировать, что при всей убедительности и кажущейся внутренней непротиворечивости почти всякого подобного текста он, неким парадоксальным

образом, достаточно легко опровергается или, как минимум, входит в неустранимый конфликт с текстом-оппонентом.

Подобные констатации позволяют усомниться в принципиальной возможности строгого научного подхода к данной проблематике. Тем более, что и сама философия и психология вплоть до недавнего времени имели довольно сомнительный статус в качестве строгих академических дисциплин.

Однако, в последние десятилетия наметился существенный прогресс как в психологии, так и в философии. Так, психология обрела свои сегодняшние, подлинно научные контуры, в частности, в сфере этологии. Философия же, в свою очередь, нашла точки опоры (или точнее, – пока точки соприкосновения) в области т.н. когнитивных наук и нейропсихологии. Значительным событием в современной этологии, изучающей сложные поведенческие паттерны (как животных, так и людей), стало введение в ее понятийный аппарат такой категории как «расширенный фенотип».

Здесь может быть уместным краткое пояснение: расширенный фенотип (*extended phenotype*) – термин, предложенный Р. Докинзом в 1982 г. для описания специфических особенностей врожденного (инстинктивного) поведения животных, сооружающих весьма сложные конструкции²⁰. Понятие «расширенного фенотипа» главным образом относится к части генетической информации, получающей свое внешнее воплощение за пределами организма-носителя. Пример: норы и птичьи гнезда, муравейники и термитники, паучьи сети и пчелиные соты... В области же философии в 1998 г. Э. Кларком и Д. Чалмерсом была (не без влияния идеи «расширенного фенотипа» Р. Докинза) предложена теория «расширенного познания» (*extended cognition*), рассматривающая вопросы взаимообусловленности ментальных процессов и двигательной активности человека с внешним инструментарием²¹. Согласно этой теории часть функций мозга и тела передается во внешнюю среду.

Следует отметить, что эта теория вызвала значительный резонанс в научном сообществе. Развивая идеи Э. Кларка и Д. Чалмерса, Р. Логан в 2007 г. выдвинул тезис о том, что и само мышление (как способность к концептуализации) возникает в результате «расширения возможностей мозга» в процессе вербальной активности и, для наглядности представления данного тезиса, предложил символическую формулу: ум = мозг + язык²². (В начале прошлого века принципиально схожие идеи были высказаны Л.С. Выготским).

В этой связи представляется уместным рассмотреть вопрос о вероятной продуктивности подобных подходов к процессу создания архитектурного проекта. При этом целесообразно ограничить этот процесс стадией эскиза – как наиболее

²⁰ Докинз, Р. Расширенный фенотип. М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 512 с.

²¹ Clark A., Chalmers D.J. The extended mind. Analysis. – Oxford: Oxford University Press. – 1998. – Vol. 58. – No. 1.

²² Logan R. The Extended Mind: The Emergence of Language, the Human Mind and Culture. – University of Toronto Press, 2007. – 512 p.

значимого и, вместе с тем, наименее методологически понятного этапа проектирования.

С этой целью имеет прямой смысл сформулировать два несложных вопроса и попытаться на них ответить:

1) *Имеет ли место феномен вербализации ментального процесса при создании эскизного проекта?*

Вероятно, полностью исключить возможность словесного выражения (оформления) спонтанно возникающих мыслей нельзя. Но при этом эти мысли прямого отношения к объекту (создаваемому эскизу) не имеют: – архитектор не говорит себе: «сейчас я проведу вот эту линию с такой-то целью, а затем ее подкорректирую...» Из этого можно сделать вывод, что формула Р. Логана: «ум = мозг + язык» к процессу проектирования в подобной форме не применима, и что в данном случае мы уже имеем дело со способностью к концептуализации иного рода. Но при этом, однако, тот факт, что создание эскизного проекта – это прямой акт концептуализации, сомнений не вызывает. Но: если «процесс вербализации» заменить на «идеомоторную активность», то формула примет следующий вид: «ум = мозг + идеомоторика» и будет (согласно идее Р. Логана) в данном случае верной.

2) *В какой степени процесс поиска и фиксации архитектурного образа обусловлен внешним инструментарием (будь это карандаш и бумага, или же компьютерный интерфейс)?*

Можно сказать, что в определяющей, если не в абсолютной. Поскольку внешний инструментарий (каким-бы он ни был) – единственное средство воплощения (фиксации, конкретизации и коррекции) зарождающихся, или скорее, вспыхивающих в нейронной структуре мозга архитектора тех призрачных и трудноуловимых образов, которым только предстоит стать читаемыми и зримыми и, следовательно, ясно осознанными самим автором.

Впрочем, подобного рода соображения были высказаны (в 2009 г.) и Ю. Палласмаа: «...В процессе самозабвенной работы... образ проявляется как будто это проекция воображающего его разума. Или, возможно, это рука, которая в действительности воображает...»²³.

Однако, основной вывод сомнению не подлежит: так же как мозгу (или сознанию) необходима рука как своего рода собственное продолжение, так же и самой руке архитектора необходим карандаш (или иной инструмент) для запечатления и корректировки изначально весьма смутных (предощущаемых) идей и образов в рекурсивном процессе эскизирования и моделирования. Другими словами, архитектурное творчество принципиально непредставимо вне идеомоторной активности архитектора, с одной стороны, – и наличия необходимого (и достаточного) внешнего инструментария, с другой.

²³ «...in the ecstasy of work... the image emerges as if it were an automatic projection of the imagining mind. Or, perhaps, it is the hand that really imagines...». Pallasmaa, J. *The Thinking Hand: Existential and Embodied Wisdom in Architecture*. – Wiley, 2009. p. 8.

В заключение стоит повторить: феноменология архитектуры и творческого архитектурного процесса – это по своей сути фиксация и передача впечатлений субъекта восприятия (или субъекта творчества).

В этом плане можно отметить принципиальную тождественность данного подхода с феноменологическими концепциями в науке – когда наблюдаемые явления не могут быть убедительно объяснены общими универсальными закономерностями и исследователи, не вводя избыточных сущностей, ограничиваются описанием фактов и феноменов и установлением эмпирических соответствий между ними.

Таким образом можно заключить: феноменология архитектуры и творческого архитектурного процесса – это по своей сути фиксация и передача впечатлений субъекта восприятия (или субъекта творчества). В этом плане можно отметить принципиальную соотнесенность данного подхода с феноменологическими концепциями в науке – когда наблюдаемые явления не могут быть убедительно объяснены общими универсальными закономерностями и исследователи, не вводя избыточных сущностей, ограничиваются описанием фактов и феноменов и установлением эмпирических соответствий между ними.

Именно этой традиции обобщения и систематизации представлений об архитектуре (о ее генезисе, сущности и эволюционной изменчивости) следовали настоящие теоретики: от Витрувия до Э. Нойферта. И именно отступления от этой традиции приводят к рассмотренным выше казусам «теоретической самодеятельности», существенно дискредитирующим, как представляется, реальную теорию архитектуры.

Выводы по главе 3:

- Феноменологический формат в сфере теории и истории архитектуры восходит к представлениям о феноменах как о фактах и событиях реальности, изучение и понимание которых должно осуществляться в рамках той же методологии, что практикуется в естественных науках.

- Вместе с тем констатируются казусы расширительного и необоснованного толкования архитектурной феноменологии, что можно квалифицировать как примеры вне-научных по сути наслоений в этой сфере, существенно ее дискредитирующих.

- Феноменологические (в их изначальном понимании) и подлинно научные подходы к вопросам истории и теории архитектуры представляются наиболее продуктивными. Поскольку при всей своей методологической несхожести, они не противоречат друг другу. Более того, они существенно дополняют друг друга, расширяя тем самым представления об архитектурной теории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В проведенном исследовании сформулирована актуальная проблема целесообразности демаркации разнородных и разнохарактерных концептуальных подходов в современной теории архитектуры с позиций их соответствия базовым критериям научности. Исследование показало, что:

1. Теоретическая основа архитектурного постмодернизма представляет собой конгломерат разнородных и методологически произвольных концепций, которые по многим сущностным и формальным позициям находятся в неустранимом взаимном противоречии. Более того, многие тексты теоретиков постмодернизма внутренне противоречивы, что является маркером их принципиальной научной неправомерности.
2. Структурно-семиотический подход к архитектурной проблематике обнаружил собственную, отмеченную рядом исследователей, теоретическую и методологическую несостоятельность. Практическая и теоретическая бесперспективность этого подхода была обусловлена небрежением по отношению к принципам общепринятого научного метода и нарушением базовых законов классической логики.
3. Определены вероятные причины широкой популярности вне-научных концепций в области теории архитектуры в виде психологических факторов, известных как когнитивные искажения, в частности: «эффект якоря», «эвристика привязки», «предвзятость подтверждения», «эффект группового мышления».
4. Разграничение аналитического и программного подходов в текстах наиболее авторитетных (часто цитируемых) современных теоретиков архитектуры позволило выявить содержательность аналитической составляющей в их текстах и теоретическую необоснованность их программных (декларативных) посланий и установок.
5. Декларативный формат архитектурных манифестов классифицирован не только как вполне определенно вне-научный, но и как не имеющий формальных признаков научного формата.
6. Феноменологические подходы к вопросам как теории, так и практики архитектуры представляется возможным охарактеризовать как продуктивные и содержательные. Установлено что сильной стороной реальной феноменологии архитектуры является отсутствие попыток имитировать «научный формат». Рассмотрены примеры произвольного позиционирования отдельных представителей «звездной архитектуры» в качестве последователей феноменологического подхода.
7. Результаты анализа показали, что современные подходы и тенденции в аналитической философии и психологии (и в сфере когнитивных наук) позволяют предположить их вероятную продуктивность в приложении к ключевым вопросам современной теории архитектуры и специфики творческого процесса.

РЕКОМЕНДАЦИИ

В качестве мер рекомендательного характера по формированию базовых принципов научного мировоззрения и навыков критического мышления у студентов в системе высшего архитектурного образования и соответствующей корректировки модулей учебных программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры могут быть предложены следующие:

1. Расширенное изучение основ классической логики (бакалавриат) в виде отдельного лекционного блока;
2. Расширенное изучение истории формирования и становления современной научной методологии (магистратура и аспирантура);
3. Включение в учебные программы аспирантуры комплексного курса истории естествознания и аналитической философии.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАЗРАБОТКИ ТЕМЫ

Развитие темы исследования естественным образом усматривается в дальнейшем расширении и уточнении принципов и методики демаркации (с позиций принципиальной научной убедительности) разнообразных подходов и форматов в современной теории и истории архитектуры, как и в решении назревшей проблемы исключения из этой академической сферы методологически несостоятельных и научно неправомерных концепций.

Но наиболее перспективными представляются широкие потенциальные возможности привлечения подлинно научной методологии в приложении к нерешенным (т.н. вечным) вопросам теории архитектуры²⁴.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

А) В рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Фигурный Г.Н. Современные подходы к осмыслению новейшей архитектуры: Ч. Дженкс и Н. Салингарос // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2018. – №4(45). – С. 126-134 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2018/4kvart18/PDF/07_figurnyj.pdf
2. Фигурный Г.Н. Парадигматика современной архитектуры: аналитика и декларации // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2019. – №2(47). – С. 71-82 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2019/2kvart19/PDF/04_figurnyj.pdf
3. Фигурный Г.Н. Семиотика архитектуры: полвека в поисках мнимых сущностей // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2019. – №4(49). – С. 57-70 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2019/4kvart19/04_figurny/index.php
4. Фигурный Г.Н. Феноменологические подходы в теории архитектуры в контексте современных когнитивных наук // *Вопросы философии* – 2021. – №6. – С. 65-73. – Режим доступа: <https://pq.iph.ras.ru/issue/view/354>
5. Фигурный Г.Н. Происхождение архитектурного проектирования: наука и метафизика // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2021. –

²⁴ Продуктивность научного подхода к одному из «вечных вопросов» - феномену появления архитектуры как таковой была развернуто показана автором в тексте «Происхождение архитектурного проектирования: наука и метафизика». // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2021. – №4(57). – С. 70-83 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2021/4kvart21/PDF/04_figurny.pdf

№4(57). – С. 70-83 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2021/4kvart21/PDF/04_figurny.pdf

6. Фигурный Г.Н. Скрытые смыслы числовых соотношений в архитектуре: притягательность мифа // Architecture and Modern Information Technologies. – 2022. – №2(59). – С. 47-57 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2022/2kvart22/PDF/03_figurny.pdf

Б) В других изданиях:

7. Фигурный Г.Н. К вопросу о психологических и философских аспектах процесса архитектурного проектирования / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. – Т.2. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 252.
8. Фигурный Г.Н. К вопросу о психологических и философских аспектах процесса архитектурного проектирования / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование-2018. Труды МАРХИ: Материалы международной научно-практической конференции 2-6 апреля 2018 г. – Т.2. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 245-247.
9. Фигурный Г.Н. Мироззренческие концепции в современной теории архитектуры: проблематика демаркации / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. – Т.1. – М.: МАРХИ, 2019. – С. 256-257.
10. Фигурный Г.Н. Сравнительный анализ практикуемых методологических подходов в современной теории архитектуры / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование-2018. Труды МАРХИ: Материалы международной научно-практической конференции 2-6 апреля 2018 г. – Т.2. – М.: МАРХИ, 2019. – С. 429-432.
11. Фигурный Г.Н. «Язык архитектуры»: метафоры и реальность / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. – Т.1. – М.: МАРХИ, 2021. – С. 116-117.
12. Фигурный Г.Н. «Методология архитектуры от Никоса Салингароса и феномен доверчивости» / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. – М.: МАРХИ, 2022. – С. 184.